

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И МЕТОД ПСИХОЛОГИИ

В.Е. Клочко

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА НАУКИ

В статье утверждается, что психологическая наука входит в такую фазу своего развития, которая позволяет ей осмыслить самое себя как саморазвивающееся целое и поставить вопросы о закономерностях собственного становления. Пока еще преобладает образ науки как закрытой системы, растущей «снизу» в процессе решения специфичных для нее «головоломок». Однако уже сегодня можно заметить признаки формирования образа науки как открытой системы, саморазвитие которой предстает как переход возможности в действительность, инициированный самим фактом открытости. Трансформация метода науки детерминирована не только «снизу», т.е. тем, как открывается психологическая реальность в процессе ее конкретно-научного исследования, но и теми закономерностями, которые присущи научному познанию как таковому. Рост уровня системности общенаучного мышления, позволяющего различать простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы, обуславливает рост уровня системности психологического мышления, детерминируя тем самым закономерные трансформации предмета науки «сверху». Сегодня психология пытается понять роль психики в самоорганизации человека как открытой саморазвивающейся системы.

Ключевые слова: самоорганизация, саморазвитие, тенденции развития, прогрессивное развитие, становление, закономерности становления, предмет науки, метод науки, избирательное взаимодействие, уровень системности мышления, классика, неклассика, постнеклассика.

Проблемы никогда нельзя разрешить с тем же образом мыслей, который их породил.

Альберт Эйнштейн

Поднимая вопрос о закономерностях движения психологического познания, исследователь тем самым оказывается перед вопросом о соотношении внутренних закономерностей развития конкретной науки, определяемых спецификой ее предмета и метода, и закономерностей, свойственных научному познанию как таковому, т.е. тем, которым подчинено движение всех наук. Но что мы реально знаем об этих закономерностях? Пытаясь поставить вопрос о том, как меняется представление о методе

науки в свете закономерностей, которым подчиняется движение психологического познания, необходимо сначала доказать, что такие закономерности объективно существуют.

То, что мы знаем о закономерностях научного познания, это, скорее, не знание самих закономерностей, а ощущение того, что происходящее с наукой (и в самой науке) на самом деле упорядочено, т.е. подчинено неким силам, обеспечивающим закономерное (и прогрессивное)

движение научного познания. Безусловно, разные ученые по-разному переживают эти ощущения: одни обостренно и ярко, другие практически на них не реагируют. М.Г. Ярошевский, например, неоднократно возвращался в своем творчестве к тому, что имеется определенная последовательность в смене основных «формаций научного мышления», и значит, существует закономерность смены его «стилей и структур». Причем он формулировал эти мысли задолго до введения в оборот популярной сегодня триады «классицизм — неклассицизм — постнеклассицизм». Самое сильное понятие, которое он при этом использовал, это «неотвратимость» [28]. Та неотвратимость, которая присуща законам трансформации научного разума, раскрытие которых, как полагал ученый, открывает перспективу нового подхода к эволюции идей.

Пока эти законы трансформации научного разума не раскрыты, остается довольствоваться предчувствиями и осуществлять прогнозы развития науки, опираясь не на объективные тенденции ее движения, а на всякого рода догадки и предвосхищения, компенсирующие нашу неспособность предвидеть. Сами же предчувствия возникают в результате столкновения со следствиями этих законов, их проявлениями, которым иногда приходится приписывать способность быть источником самостоятельных сил и причин движения. Что делать? Если не можешь связать движение реки с законом всемирного тяготения, приходится считать, что берега и есть то самое, что толкает реку.

Так, К. Поппер, рассуждая о силах, обеспечивающих прогрессивный характер эволюции, приходит к выводу о том, что каждое событие обладает предрасположенностью к своему осуществлению, причем предрасположенности он не сводит к простым возможностям, толкуя их как физические реальности «наподобие силовых полей» [19, с. 86]. Проблема в том, что каждое

событие обладает такой предрасположенностью к самоосуществлению, но почему-то не каждое осуществляется. Нас-то ведь как раз интересует закон, ограничивающий реализацию одних возможностей и одновременно позволяющий осуществление некоторых других, причем всегда так удачно, что именно эти «некоторые» возможности, осуществляясь, и обеспечивают прогресс. Как совершается отбор таких возможностей? Почему эти «силовые поля» в одном случае проявляют себя, а в другом нет?

М.К. Мамардашвили идет дальше, указывая на различие между простой возможностью движения мысли и «потенцией» ее движения, которая «в отличие от возможности — есть *возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление*» [17, с. 150]. Однако остаются те же самые вопросы: каков механизм превращения возможности в потенцию; в соответствии с каким законом осуществляется дифференциация возможностей, в результате чего одни начинают обладать «силой на свое осуществление», а другие остаются так и неосуществившейся «предрасположенностью»? Заметим, что и Л.С. Выготский в свое время писал о системе объективных тенденций, «действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков *с силой стальной пружины*» [3, с. 124]. Полностью с этим соглашаясь, приходится все же задавать тот же самый злополучный вопрос: что придает тенденциям характер силы; как возникают эти силы в поле скалярных величин, т.е. в пространстве психологических теорий и научных школ, ведь каждая из них делает свое дело так, как его понимает, и при этом может вовсе не обращать внимания ни на какие тенденции, «стоящие за спиной», и не знать ни о каких силах, которые, оказывается, незримо определяют «ум и волю» исследователей.

Можно предполагать, что за «предрасположенностями» К. Поппера, «потенциями» М.К. Мамардашвили, «тенденциями» Л.С. Выготского скрываются одни

и те же силы и закономерности, вызывающие прогрессивное движение научного познания и характеризующие его. Если брать шире, выходя за пределы эпистемологического контекста, то этот ряд можно продолжить. Эти же закономерности и силы стоят и за «поступательным развитием» Гегеля, за «жизненным порывом» А. Бергсона, за «принципом коинциденции» Д.Н. Узнадзе, за «принципом перманентной динамики» К. Левина и т.д.

И если это так, то для выявления сущности этих закономерностей необходимо сделать то, что предлагает А. Эйнштейн своей идеей, вынесенной мной в качестве эпиграфа к статье: понять, что проблема возникла в результате одного образа мысли, а для решения ее необходимо другое мышление. В чем проблема? Видимо, в том, что нам не очень понятны пока природа и сам механизм перехода возможности в действительность. Пока речь идет о развитии как таковом (независимо от того, идет ли речь об онтогенезе человека или филогенезе научного познания), эта проблема не возникает. Здесь достаточно представления о том, что появляющиеся «необратимые новообразования» и есть то, в чем проявляет себя процесс развития, указывая на свой истинный источник — противоречие. Но как только становится понятным, что эти новообразования связаны между собой какой-то закономерностью, что они совокупностью своей указывают на некий порядок следования, то это служит толчком для переключения исследовательской мысли.

Она выходит в историко-генетический контекст и начинает улавливать теперь тенденции развития, его векторы и градиенты, динамику прогрессирующего усложнения развивающегося явления, постепенно приходя к осознанию того, что на самом деле источник развития заключается не в противоречии, а в чем-то другом. В связи с этим последует еще одно переключение исследовательской мысли,

адекватное смене сложившейся «формации научного мышления», и встанут вопросы о природе и закономерностях прогрессивного развития, вопросы о том, что стоит за векторами, градиентами и потенциалами развития, и, как итог, вопрос о том, что включает в себя сам переход возможности в действительность в содержательном аспекте, а также в аспекте его специфической детерминации, мотивации и функциональной определенности. И этот вопрос обязательно перейдет из стадии методологического теоретизирования в актуальную и вполне практическую проблему психологии, открывая возможность нового взгляда на сущность онтогенеза человека и филогенеза человечества.

На каком этапе своего становления находится сейчас психологическая мысль? Говоря об этапе, я имею в виду достаточно массовую ориентацию психологической общественности на некую парадигму, которая по определению служит образцом актуальной научной практики. При этом придется на время абстрагироваться от гениальных прорывов психологической мысли, осуществленных «Моцартами» нашей науки. (Хочу верить, что Лев Семёнович Выготский не обидится на меня за расширительное использование великолепной метафоры, адресованной лично ему.) Нам еще предстоит понять, почему от «Моцартов в науке» до сих пор идет только «ощущение» высочайшей методологической культуры, никак не превращающееся в осмысление, которое позволило бы этой культуре стать «общепринятым образцом» профессионального мышления. Оценивая день сегодняшний нашей науки, можно полагать, что психология уже приступила к рефлексии по поводу самой себя, своего исторического пути и тех тенденций, векторов и потенциалов движения, которые отражают направленную динамику ее становления. Иными словами, уже наступил тот момент, о котором писал Л.С. Выготский: «Для всякой науки раньше или позже наступает

момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те понятия, которыми она пользуется» [3, с. 310].

Так, Д.А. Леонтьев в своей работе «Неклассический вектор в современной психологии» выделяет несколько направлений «неклассической трансформации психологии»: от поиска знаний к социальному конструированию, от монологизма к диалогизму, от изолированного индивида к жизненному миру, от детерминизма к самодетерминации, от потенциализма к экзистенциализму, от количественного подхода к качественному, от констатирующей стратегии к действенной. «Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим» [15, с. 58–59].

Интересно все-таки пойти дальше, понимая, что тенденции есть только следствия, намекающие на наличие закономерностей и сил, которые они (тенденции) и проявляют самим фактом своего возникновения. Например, уже сам факт выделения фаз или этапов развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика) предполагает закономерность, определяющую возникновение именно этой последовательности. Если за сменой форм и уровней мышления, отраженного этой триадой, открывается объективная тенденция развития, характерная для всех наук, то мы сталкиваемся здесь с наиболее общими закономерностями познания, которые предопределяют появление в поле зрения науки новых объектов и новых предметов научного познания. Каждый новый тип научной рациональности позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика),

сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (постнеклассика) [24]. Получается, что предмет науки способен сам *перестраиваться* в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкторы, конституирующие витальную онтологию человека (транссубъективное пространство (Д.Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л.С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерный мир (А.Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В.Е. Клочко)). Можно выявить и другие тенденции, проявляющиеся:

- в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный);
- в становлении отдельных принципов, например, принципа детерминизма (примат внешней детерминации – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация);
- в росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление).

На основе этих примеров можно выдвинуть предположение о том, что не отдельный ученый, а наука как саморазвивающееся целое всем процессом своего самодвижения осуществляет интеграцию различных принципов, а значит, и методов, и предметов исследования, конструируя тем самым все новые призмы видения, через которые открывается все более сложная психологическая реальность. Первоначально изолированные и только

дополняющие друг друга принципы системности, развития и детерминизма окончательно теряют свою автономность, когда в качестве предмета науки появляется *саморазвивающаяся система* с присущей ей способностью к самодетерминации. Таким образом, появляется некоторая методологическая база, способная направить поиск концептуальных оснований для выделения и объяснения тенденций развития науки. Один из возможных путей концептуализации заключается в том, чтобы и науку, изучающую человека, и человека, как ее предмет, представить в качестве открытых самоорганизующихся систем, режимом существования которых является саморазвитие. Такой подход непосредственно выводит к проблеме становления, внутри которой открываются механизмы созревания и роста, межуровневые переходы и основания, обеспечивающие эту загадочную устремленность системы к более высоким уровням, на которых сохраняются все позитивные результаты, полученные на более ранних (и более низких) уровнях становления, и открывается новая «зона ближайшего развития» системы. С моей точки зрения, *становление — это закономерное усложнение системной организации сложных целостностей (открытых систем) в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий.*

Одна и та же закономерность может проявляться в форме разных следствий, иметь разные лики — в зависимости от того, на чем центрируется исследователь. Если прав Л.С. Выготский в том, что «диалектика психологии есть вместе с тем и диалектика человека как предмета психологии» [3, с. 322], то существуют и внутренние, присущие исключительно психологии, закономерности, отличающие ее от других наук, которые имеют дело с более простыми вещами, нежели человек. Получается, что, не вскрыв природу общих закономерностей развития познания, мы вынуждены переходить к закономерностям, которые

были бы специфичными для конкретной науки, при этом такой науки, у которой и сам предмет особый — более сложную «форму движения» не изучает ни одна наука. Вместе с тем возникает предположение о том, что, изучая самую развитую форму жизни, разрабатывая методы, адекватные для познания самой сложной по своему системному устройству формы, не обладаем ли мы, психологи, реальной возможностью быстрее и легче (естественней) выйти к познанию механизмов перехода возможности в действительность. Мы имеем дело с тем, что проявляется в своей зрелой, развернутой форме, в то время как другие науки сталкиваются с той же формой, но в ее неразвитом, иногда в зачаточном виде.

Сделав такой вывод, мы тут же оказываемся перед новыми вопросами, отражающими те реальные противоречия, перед лицом которых оказалась современная психология. Какова степень допустимости переноса в психологию методов исследования, которые разрабатывались в других науках, изучающих более простые явления? Многомерные человеческие миры, жизненные пространства его бытия, размеченные ценностно-смысловыми измерениями, можно изучать теми же «объективными методами», которыми науки о природе изучают свои четырехмерные объекты? Закономерности развития науки, обнаруженные физиками при решении проблемы квантово-волнового дуализма (и закрепленные взаимосвязанными между собой принципами соответствия и дополнительности) могут быть обнаружены и в психологии? Опыт преодоления указанного дуализма может быть перенесен в психологию и использован для преодоления разрыва между Духом и Материей?

Список вопросов можно преумножать, но едва ли на все из них можно получить сегодня однозначные ответы. Психология начала свой путь с определения эмпирической области явлений, полученных с помощью самонаблюдения

и отнесенных к сфере психических явлений. Она продолжает этот путь, все более расширяя и углубляя знания об этих феноменах. При этом она всегда прекрасно понимала, что эти феномены принадлежат человеку и, значит, исследуя их, она изучает человека. Однако только сегодня к психологам по-настоящему приходит осознание того, что предметом науки до сих пор являлась только часть целостного человека (психика), которая практически еще не изучена в ее взаимоотношениях со своим целым. Достаточно резко, но справедливо, В.И. Слободчиков и Е. И. Исаев указывают на «нищету психологии», не способной выстроить свои собственные основания. «Простая мысль, что если человеческая психика — это одно из свойств человеческой реальности вообще, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство (выразить его в понятиях), необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, чтобы мочь что-то сказать о его свойствах, в том числе и о психических. Но именно этого психология и не делает, оставляя вопрос о сущности в лучшем случае какой-либо из модных философий, а в худшем — господствующей идеологии» [20, с. 4].

А каким образом целостный человек вообще может стать предметом психологии? Мой ответ на этот вопрос заключается в следующем. Это возможно только в том случае, если человек предстанет в психологии в качестве системы — открытой, саморазвивающейся, самоорганизующейся, а психика (сознание) начнет изучаться в качестве важнейшего звена, обеспечивающего самоорганизацию и саморазвитие человека. «Освоение саморазвивающихся систем, — указывает В.С. Степин, — предполагает новое расширение смыслов категории “причинность”. Она связывается

с представлениями о превращении возможности в действительность» [23].

Кажется самоочевидным, что наук о человеке много и каждая из них изучает свою часть этого сложного объекта, выделяя в нем свой специфичный предмет исследования, насколько позволяет это сделать тот метод, которым пользуется наука. Здесь, как мне кажется, мы и приблизились к эпицентру тех коллизий, перед которыми оказалась современная психология. По мере развития психологического познания, становится понятно, что другие науки, изучающие человека, могут себе позволить абстрагирование от целостного человека, но уникальность психологии в том, что она себе этого позволить не может. Нельзя открыть функцию психики, изучая ее саму и продолжая строить догадки о том, для чего предназначено это сложнейшее устройство и что оно могло бы делать *для человека, или с человеком, или вместо человека.*

Первыми пришли догадки о том, что делает психика «вместо» человека — о «психической деятельности» и «деятельности сознания» до сих пор пишут без кавычек. С этих догадок начала свое самостоятельное движение научная психология, выходя из взрастившего ее лоно философской мысли. Здесь пока еще совпадали объект науки (сознание) и предмет исследования (осознаваемое), адекватный методу (самонаблюдение, интроспекция). Поэтому человек был избыточен для классической психологии. Таковым он остается и для различных вариантов неоклассицизма, все еще возникающих в психологии. Вместо человека здесь действует сознание, которое и принимает решения, в том числе и решения о том, что нужно осознать, а что не стоит, строит гипотезы и само же их верифицирует [1].

В неклассической науке появился человек — пусть вначале и не целостный, «урезанный» до личности, субъекта или сознательного индивида, но все-таки с ним уже надо было считаться. Теперь уже

не проходила идея сознания, работающего вместо человека, но стал доминировать образ сознания (психики) как органа, «вмонтированного» в человека и что-то делающего с человеком, который вследствие этого оказывается подчиненным у начальствующего, хотя и ему же принадлежащего органа. Этот образ и определял направленность предположений (догадок) о функции сознания (психики): сознание регулирует деятельность, психика отражает мир и тем самым ориентирует человека в нем. К числу самых последних таких догадок можно отнести предположение о том, что «основной, исходной и, безусловно, всеобщей функцией психики является построение модели (субъективного образа) будущего и подчинение поведения живого существа этому еще не наступившему будущему» [21, с. 80].

В постнеклассической науке, вырастающей на базе тех противоречий, которые накопила неклассическая наука, и еще больше на базе тех находок и открытий, которые ей удалось сделать, выстраивается новая линия поиска догадок о функции психики. Вопрос вновь переориентируется: *теперь это уже не вопрос о том, что делает психика вместо человека, не вопрос о том, что делает психика с человеком, это вопрос о том, что делает человек и какая психика ему нужна, чтобы он мог делать свое дело.* Будучи элементом человека, его важнейшей частью, психика у человека именно такая (а не другая, не любая) потому, что, являясь именно такой (а не другой), она и позволяет человеку исправно выполнять свою человеческую миссию и предназначение. И поскольку мы не знаем в полной мере собственной миссии и предназначения, постольку мы не можем пока определить психику в ее функциональных, иерархических, субординационных, координационных связях со своим целым. Однако все яснее становится, что нельзя дальше изучать психику в надежде построить системное знание

о ней, продолжая удерживать ее в качестве полного (замкнутого на себя) предмета науки. Антропологизация психологического познания уже видна как тенденция, но сама эта тенденция еще не понята как выражение тех закономерностей, которые определяют самодвижение психологического познания, и тех механизмов, которые обеспечивают саморазвитие науки как прогрессивного («вперед и вверх») движения психологической мысли.

Б.Ф. Ломов был, наверное, прав, утверждая, что знание о функции психического может стать основанием для интеграции в систему разрозненных знаний о психике, полученных с помощью разных методологических принципов. Другое дело, что не удалось реально осуществить идею приведения в систему самих принципов, на основе которых уже сложились различные научные подходы, школы и направления, — отсутствует системообразующий фактор. Что же касается функции самой психики, то она казалась вполне понятной. «Будучи многообразными, психические явления выступают как явления одной природы, поэтому они сами могут рассматриваться как система. Единство психики как системы выражается в ее общей функции: являясь субъективным отражением объективной действительности, психика осуществляет регуляцию поведения» [16, с. 86–87]. Представление об отражательно-регулятивной функции психического казалось в то время настолько самоочевидным, что породить сомнение в его корректности могло разве только ощущение самоочевидности этого представления.

Идея связи психики с отражением берет начало в классической науке, в той, свойственной классицизму, дихотомии Материи и Духа, из которой вытекают другие дуальные комбинации «противоположностей» (субъективное и объективное, психическое и физическое, внешнее и внутреннее, и т.д.), и плавно перетекает

в следующую фазу ее становления (неклассицизм). Идея связи психики с (само)регуляцией — это уже самостоятельная находка науки того периода ее становления, когда она осваивала азы нового (неклассического) мышления. Психология явно демонстрирует тот факт, что и на нее распространяется закономерность смены идеалов научной рациональности, обнаруженная в других науках. Ведь неклассика как раз и имеет дело с саморегулирующимися системами. Это мысль стала осознаваться учеными сравнительно недавно: сама указанная «триада» была введена в оборот только в 1989 г. [22].

С тех пор постепенно стала оформляться идея о том, что простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке, сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке, а миссией постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы [23]. Стоит заметить, что практически все, кто сегодня говорит и пишет о постнеклассическом этапе развития психологии, охотно пользуются указанной типологией, но при этом уклоняются от обсуждения проблем, связанных с выделением ключевого признака этой типологии. А этот признак как раз и заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект [23].

Почему это происходит? В каждом случае имеются, видимо, свои мотивы и причины для избегания этой проблематики. Однако философскую базу для такого уклонения предоставляет неклассическая эпистемология, к каковой и прибегают исследователи, апеллируя к Т. Куну и, особенно охотно, к П. Фейерабенду, полагая, что теория пролиферации и есть то основание, которое способно легитимизировать представление о науке, развивающейся исключительно «снизу»

и исключительно «вширь», прирастая новыми теориями. Такой подход полностью исключает проблему связи закономерностей развития науки с диалектикой ее метода. Не случайно и сам Т. Кун отмечает, что «мы все еще стоим перед задачей объяснения того, почему наука — наш самый бесспорный пример полноценного познания — развивается так, а не иначе, и, прежде всего, мы должны выяснить, как это фактически происходит. На удивление мало мы еще знаем о том, как отвечать на этот вопрос» [13, с. 39].

И все-таки постнеклассическая эпистемология, пусть еще не определившаяся в полной мере, но все-таки становящаяся, успела показать динамику объекта науки в последовательной смене тех систем, которые ученые могут выделять в качестве объекта научного исследования. Следовательно, уже сегодня необходимо говорить о смене уровней системности психологического мышления, в призме которого открываются и новое понимание психологической реальности, и новое представление о методах ее познания. Приходит пора и психологам заняться непростым трудом профессионального самоопределения: «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как «отражении» реальности, второй — в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь», — пишет О.К. Тихомиров (цит. по [5, с. 59]).

Я не думаю, что представитель конкретной науки, каковой является психология, должен брать на себя решение задач, возникающих в предметном поле философии науки. Но я также не думаю, что психология должна смиренно ждать готовых решений, которые когда-то вызреют в этом поле. Во-первых, они в нем уже вызревают, причем настолько объективированно, что методологическая

работа представителя конкретной науки в области познания механизмов и закономерностей становления психологического познания получает оправдание. Во-вторых, научная психология прошла уже достаточно большой путь, позволяющий оценить его с точки зрения того, почему именно так, а не иначе был пройден этот путь, и куда он, собственно, выводит.

Необходимо учесть, что до настоящего времени в психологии преобладает тенденция рассматривать проблему метода науки в единстве с проблемой ее предмета, что само по себе понятно. Трудности возникают, когда внутри этого единства обнаруживается причинно-следственная связь. «Метод в широком смысле этого слова, понимаемый как совокупность исходных принципов, средств и процедур исследовательской деятельности, фактически строит предмет исследования» [21, с. 75]. Отсюда следует, что диалектика представлений о «психологической реальности», с которой имеет дело наша наука и которая отличает ее предмет исследования от предметов других наук, является результатом диалектики ее метода. В связи с этим и возникает вопрос: если метод «строит предмет исследования», то какие силы управляют перестройкой ее метода? Оказывает ли развитие представлений о предмете науки обратное влияние на методы, которые использует научная практика? Если оказывает, то переворачивается исходная причинно-следственная связь между методом и предметом науки, если не оказывает, то надо либо искать основания, которые обуславливают развитие метода, либо согласиться с тем, что никакого метода нет, а есть множество спонтанно рождающихся локальных методов, столь же непредсказуемо порождающих множество локальных предметов исследования, результаты которых невозможно сопоставить. В таком случае уделом науки остается только «развитие вширь» за счет добавления все новых предметов исследо-

вания, окончательно размывающих и без того не очень четкие контуры научного пространства психологии.

Поэтому такую остроту приобрела сегодня в нашей науке проблема методологического «монизма–плюрализма». Выступает она в форме дилеммы: или узаконить идею прогресса научного знания путем прироста новых теорий, за каждой из которых стоит свой метод и свой предмет исследования, рассчитывая на то, что открываемые ими реалии суть фрагменты, стороны, лики «одной реальности», или пытаться создать монистическую теорию, поскольку «реальность» действительно одна, и десятки (или сотни) различных «микрообъяснений» все равно не объяснят сущность психики как системного явления. Что же общее имеется как у представителей монистического взгляда, так и плюралистического? Общей является их убежденность в том, что существует некая «реальность», на познание которой так или иначе направлен любой используемый в психологии метод, а предмет исследования — это только фрагмент реальности, своеобразно выступающий для исследователя в призме используемого метода. Ясно, что исследователям нужна опора, что-то изначально устойчивое, которое может оправдать динамический образ науки, развивающейся «вширь» путем самопроизвольного «размножения» равноправных теорий — за ними все-таки стоит некая сила, контролирующая и сдерживающая произвол «саморазмножения».

Основная сложность заключается в том, что при таком подходе возникает образ науки, в которой отсутствуют «парадигмальные сдвиги», не фиксируются никакие тенденции развития, отсутствует преэминентность познания. Главное, что это никак не уменьшает то напряжение, в котором пребывает научное сообщество, перманентно ощущая свою внутреннюю разобщенность. Самое интересное, что в горизонтальном сечении науки, осуществленном через ее

актуальное настоящее, наука именно так и выглядит, т.е. вполне «мультипарадигмально» — как нечто растущее изнутри путем создания новых теорий, более или менее эффективно решающих очередные «гоголовомки».

Сложность в том, что разглядеть прогрессивные процессы в науке можно только путем выхода в вертикальную плоскость ее исторической динамики. Используя понятия М.М. Бахтина, можно сказать, что вряд ли возможно выявить закономерности движения психологического познания, пребывая в «малом времени». Может быть, потому они становятся неуловимыми, что слишком мало это «малое время», в пространстве которого мы успеваем отразить актуальное состояние науки, упуская тенденции ее развития, прогрессивного роста научного знания, перерождение форм и стилей научного мышления, закономерные преобразования предмета науки и ее метода. «Каждый образ нужно понять и оценить на уровне большого времени. Анализ обычно копошится на узком пространстве малого времени, т.е. современности и ближайшего прошлого и представимого — желаемого или пугающего — будущего» [2, с. 369].

В пространстве малого времени можно выделить то, что не может не беспокоить психологов. Во-первых, это все возрастающая дезинтеграция науки, заявляющая о себе многочисленными разрывами (между прошлым и настоящим психологии, внутри ее настоящего, между теорией и практикой), указывающими на кризис науки [27]. Тревожит сам кризис, который, вопреки логике, так и остается «перманентным». Исчезает ощущение общего научного пространства, в котором психологи узнают друг друга как представители одной науки; все труднее становится обличать шарлатанов (магов, ясновидящих и т.д.) в антинаучной сущности их деяний.

Психологи начинают откровенно уставать от необходимости определять

психологическую реальность с помощью совершенно беспомощных и аморфных понятий, включая сюда «сферу сознания», «сферу бессознательного», «сферу психического», «эмоционально-волевую сферу» и т.д. Эти понятия приходится использовать, поскольку на них возлагается важная миссия, — они создают иллюзию «неподкожности» психического. В противном случае психика уже ничем бы не отличалась от наивно понимаемой души, живущей в теле. С другой стороны, это позволяет говорить о возможности использования в психологии «объективных методов», разработанных в других («развитых») науках, предметы которых ограничены конкретными пространственно-временными континуумами. Все же есть у нас свои психологические пространства, хотя бы и в виде непонятных в своей локализации «сфер». О странностях «психологической геометрии» в свое время писал Л.С. Выготский: «Именно потому, что эти понятия адетерминистичны, беспричинны и беспространственны, именно потому, что они построены по типу геометрических абстракций, Павлов отвергает их пригодность для науки: они несоединимы с материальной конструкцией мозга. Именно потому что они геометричны, мы вслед за Павловым говорим, что они непригодны для реальной науки» [3, с. 401].

В трансспективе большого времени можно открыть тот факт, что вместе с понятиями психологического поля (К. Левин), смыслового поля (Л.С. Выготский), транссубъективного пространства (Д.Н. Узнадзе) в психологии уже сравнительно давно стала вызревать мысль о пространственной непрерывности психического. *Психическое есть то, что обеспечивает дальное действие человека как открытой саморазвивающейся системы.* Если в физике теория поля достигла и даже переросла уровень теории дискретности, то в психологии до сих пор психика и сознание чаще всего понимаются как замкнутые дискретные

образования, имеющие уровневое строение, собственную структуру и даже собственную логику. И не важно, где и каким образом локализуются эти образования — под кожей, в мозгу, в пространстве некой «субъективной реальности», в мифических «психических сферах» и т.д.

Однако давайте сравним. Вот рассуждает А. Эйнштейн: «Вместо того, чтобы думать: “электрическая частица e_1 действует на другую электрическую частицу e_2 через пространство и вызывает появление действующей на последнюю движущей силы”, Фарадей мыслил: “Электрическая частица уже самим своим существованием порождает изменение состояния пространства в своей непосредственной окрестности (электрическое поле)...”. А затем восклицает: «Как просто выглядит эта идея теперь, и все же насколько она величественна!» [26, с. 244]. А вот рассуждает Л.С. Выготский: психика «...есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма» [3, с. 347]. Идея Л.С. Выготского, смею думать, не менее величественна, однако и теперь она не выглядит простой. Может быть, поэтому она никак не может прорваться через концептуальные перегородки, выстроенные «дискретной психологией», а может быть, «дискретная психология» никак не может дорасти до этой идеи, чтобы вобрать в себя «свое иное».

Но как же сам Л.С. Выготский вышел к этой идее? Каким образом происходит процесс выхода исследователя за пределы используемого им метода, конструирующего не только предметное пространство, внутри которого движется исследование, но и задающее пространство мысли, диктующее определенные

способы объяснения того, что обнаруживается в этом пространстве. По сути дела, это вопросы о тех силах, которые выносят не только конкретного ученого, но и всю науку «поверх барьеров», обеспечивая прогрессивное развитие науки. Следовательно, это и есть вопросы о том, каким образом осуществляется переход возможностей (конкретного ученого, науки как таковой) в действительность.

Механизм движения научной теории к более высокому уровню системного видения психологической реальности в общих чертах можно представить следующим образом. Для развития любых наук характерно то, что они начинают со «статики» и только постепенно переходят к изучению «динамики» феноменов, составляющих объект науки. Уже в этом можно усмотреть некую, в целом вполне объяснимую, закономерность в движении научного познания. Эмпирически выявив феномен (или даже их некоторую «целкупность»), научная мысль скоро убеждается в том, что выделенный в качестве объекта изучения «фрагмент реальности» начинает ускользать от исследования. Ускользать именно в той части, которая касается его сущности, его истинной природы, обусловленной не столько им самим, сколько его принадлежностью более сложной системе, фрагментом которой он на самом деле является.

Получается, что наука обречена на то, чтобы, сохраняя эмпирически определенный объект изучения, постоянно выходить за его пределы, последовательно и закономерно расширяя предметное поле исследования, теоретически определяя (и переопределяя) его. Выход за пределы устоявшегося предметного поля, которое очертила наука на данной стадии своего движения, становится неизбежным в том случае, когда оно перекрывается проблемным полем. Его возникновение обусловлено ограниченностью объяснительных схем, заявленных методом,

определившим содержание и конфигурацию предметного поля. Иными словами, детерминацию, идущую сверху, от самого факта наличия более сложной, но пока неведомой системы, по отношению к которой изучаемая система сама является не более чем подсистемой, отменить нельзя. Именно поэтому проблемное поле науки неизбежно перекрывает, пусть и не сразу, предметное поле. Происходит это потому, что отдельные исследователи, сталкиваясь с эффектами указанной «детерминации сверху», рано или поздно начинают оценивать их уже не как очередные «головоломки», закономерно возникающие в процессе «спокойного» развития науки («снизу вверх», «из прошлого в будущее»), а пытаются обнаружить их истинное происхождение.

Посмотрим на конкретном примере, как сам Л.С. Выготский выходил за пределы «дискретной психологии» к «психологии поля». А.Н. Леонтьев описывает интересный момент, когда внимание Л.С. Выготского (указывается 1930 г.) центрировалось на открывшейся перед ним перспективе конкретно-психологического изучения знаковой структуры сознания. И вдруг произошел «своеобразный переворот, который тоже был не постепенным движением, а, действительно, движением, включающим в себя события, а не скольжение, медленное и плавное эволюционное изменение». Переворот заключался вот в чем. «Перед Сахаровым была поставлена Львом Семеновичем (Сахаров уже занимался понятиями) задача, типичная для того времени, — исследовать опосредствованную структуру обобщения... А исследование объективно перевернулось: задача-то была — не использовать слово для решения поставленных целей; оказалось, что задача, которую решали испытуемые, заключалась в том, чтобы овладеть значением неизвестного им слова, раскрыть значение, — все дело оказалось в этом... Это был переворот, который

сделал не субъект исследования, а исследование» [14, с. 113–114]. И так, образно говоря, исследование «перевернуло» исследователя. Факт, с которым столкнулся Л.С. Выготский, оказался не из мира «дискретной психики» или столь же дискретной психологии сознания, это был факт, указывающий на мир человека, на его жизненное пространство, созидаемое с помощью значений. Состоялся выход за пределы гносеологии отражения в онтологию порождения мира человеком: человек видит через призму значений мир, тем самым обеспечивает его инвариантность, устойчивость и возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Метод привел к таким результатам, которые привели сам метод в движение. Психика стала обретать свою пространственную, полевую локализацию. Нужен был другой принцип понимания и объяснения, а значит, и другой метод. Почему же использованная в эксперименте методика Н. Аха не подвела самого создателя методики к такому переходу? У Л.С. Выготского были другие возможности, они и реализовались «здесь и теперь»: известные и даже предсказуемые результаты исследования обрели для ученого другой смысл и ценность. Причем новые смыслы и новые ценности образовались сами — как результат проекции возможностей человека в предметную среду.

Последнее утверждение я могу подтвердить результатами собственного исследования, которое, кстати, в свое время «перевернуло» меня самого. К 1978 г. была завершена большая серия экспериментов, проводя которые я вовсе и не думал о том, что с их помощью происходит «проникновение» в сердцевину самого закрытого процесса — перехода возможности в действительность. Изучалась так называемая «свободная инициация» мыслительной деятельности, т.е. самопроизвольно осуществляющийся переход человека от тривиальной деятельности к мыслительной.

Было использовано много разных методик с использованием синхронной записи кожно-гальванических реакций, традиционно рассматриваемой в качестве достаточно надежного физиологического индикатора эмоционального процесса. В результате оказалось, что некоторые испытуемые обнаруживали в экспериментальном материале возможность постановки мыслительной задачи и, вопреки инструкции, регламентирующей вполне техническую и простую деятельность с ним, начинали ставить мыслительные цели. Это вполне укладывалось в контекст понимания деятельности как (само)регулирующейся системы. Все оказалось гораздо сложнее, когда выяснилось, что для некоторых испытуемых определенные элементы условий, в которых осуществлялась деятельность, задаваемая инструкцией, вдруг обретали особый смысл и они, эти элементы, становились теми центрами, вокруг которых начинала организовываться мыслительная деятельность, притом что ни инструкция, ни сама ситуация этого не предполагали. Самое примечательное было в том, что понять происхождение этих смыслов было невозможно, оставаясь в пределах исходной методологии. Это не было проявлением саморегуляции — она подсоединялась позднее, когда оказывалась сформированной познавательная цель.

Необходимо учесть, что к тому времени еще не был опубликован «Исторический смысл психологического кризиса», и, следовательно, не доступной была мысль Л.С. Выготского о психике как субъективном искажении действительности, без которого невозможна избирательность поведения. А проводимое экспериментальное исследование процессов смыслообразования в мыслительной деятельности как ее внутренних регуляторов упорно показывали, что нет никакого процесса образования смыслов, как того, чем специально занимается мыслящий человек. Трудно было представить, что

смыслы возникают сами, что здесь мы напрямую столкнулись с продуктами самоорганизации, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Их невозможно было отделить от своего носителя — предмета, особым (сверхчувственным) качеством которого они являются. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними — в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Эмоции «считывали» его, но презентовали сознанию не сам смысл, а предмет, обладающий смыслом. В принципе, это и был выход к решению проблемы осознания: человек видит в мире то, что соответствует ему в данный момент, но так, как оно есть «в действительности», т.е. без него (эффект присутствия). Получалось, что не эмоции «лежат на поверхности сознания» (А.Н. Леонтьев), а сознание лежит на поверхности эмоций. И все это невозможно было понять, оставаясь в методологии саморегуляции, но еще труднее было перейти в методологию самоорганизации. Нужен был толчок, который не мог дать экспериментальный материал, но совершенно неожиданно он пришел извне, когда я вслед за другими «интеллектуалами» того времени попал на фильм А. Тарковского «Сталкер». Каждый увидел в этом странном фильме свое. Меня же поразила одна мысль, высказанная героем фильма. Сталкер: «Это Зона. Может даже показаться, что она капризна, но *в каждый момент она такова, какой мы ее сами сделали... своим состоянием... Все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас...*» [25]. Меняющееся состояние человека мгновенно отражается изменением состояния жизненного пространства, перестройкой его ценностно-смысловых измерений. А поскольку смысл всегда завязан на установку, на готовность реализовать определенное поведение по отношению

к предмету, имеющему смысл, то ясно происхождение сил, вызывающих движение системы по линии «возможность — новая действительность». Впору бы вслед за А. Эйнштейном воскликнуть: «Как просто, но насколько величественно!»

Постепенно сформировалось представление о том, что психика представляет собой не что иное, как самый мощный, самый изощренный, самый сложный из известных нам механизмов избирательности, превращающий «мир в себе» в «мир для нас» — многомерное пространство жизни, находясь внутри которого, человек может действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Становилось понятным, что психика и сознание — это не органы управления, вмонтированные в человека, не аппараты регуляции, подчиняющие человека, не средства ориентации, опирающиеся на присущую им способность к отражению среды, психика (сознание) — это то, с помощью чего система (человек) оказывается открытой, т.е. способной к избирательному взаимодействию со средой, как основанию для превращения ее в многомерный мир человека. Становление такого мира является предпосылкой устойчивого (осмысленного, реалистического, действенного) бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненным пространстве. В этом усматривался исходный смысл самоорганизации.

Я не буду останавливаться на том, чем обернулся переход в методологию самоорганизации человека как открытой саморазвивающейся системы, имея в виду становление системной антропологии или теории самоорганизации в психологических системах [4; 6–12; 18].

Данной статьей я хотел выразить простую мысль о том, что метод науки в такой же степени конструирует ту реальность, которую изучает данная наука, в какой степени познание этой реальности закономерно выводит исследователя за границы предметного поля, которые

очертил метод. Новый образ науки вырастает из методологических представлений и установок предыдущих этапов, из того потенциала движения «вперед и выше», который в них содержится, обеспечивая тем самым преемственность процесса становления психологического познания. Наука — это открытая система, закономерно усложняющаяся в процессе внутренних и внешних взаимодействий. Формой ее существования является становление — закономерное усложнение ее системной организации. История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание. Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет «эффекта границы», т.е. предназначенных для анализа ставшего (прошлого) как предмета истории психологии. Однако эта проблема, как и многие другие, только затронута в данной статье. Все они требуют отдельной тщательной проработки, результаты которой я постараюсь предложить читателям журнала в одном из ближайших номеров.

Чем сложнее уровень организации системы, тем труднее осуществить перевод мышления на новый уровень системности, но, находясь на нем, гораздо проще генерировать научные объяснения, в том числе и по поводу тех феноменов, для объяснения которых в рамках простой системы приходилось изобретать горы «психологических эпициклов», которые, оставаясь «пустым» знанием, давят на науку, перегружая ее несущественным,

избыточным знанием, повисают в виде гирь, затрудняющих ее закономерное движение «вперед и выше». Эти «псициклы» особенно обильно накапливаются в тех местах, где, используя привычную схему «психологического гомеостаза», ученые тшатася объяснить принципиально гетеростазическую природу человека.

Литература

1. Агафонов А.Ю. Феномен сознания в когнитивной деятельности. Автореф. дис. д-ра наук. СПб., 2006.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
4. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности. Дис. д-ра психол. наук. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 299 с.
5. Климов Е.А. Об амбифлекторной природе психического // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. М., 1992. № 1. С. 51–60.
6. Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности. Автреф. докт. дис. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991.
7. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005. 172 с.
8. Ключко В.Е. Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // Сибирский психологический журнал. Томск, 1997. № 5. С. 19–27.
9. Ключко В.Е. Становление многомерно-го мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Томск, 1998. Вып. 8–9. С. 7–15.
10. Ключко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. Томск, 1996. Вып. 2. С. 23–27.
11. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.
12. Красноядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности. Автореф. дис. д-ра психол. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
13. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3. Проблемы анализа знания. М., 1997. С. 20–48.
14. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109–120.
15. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1.
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
17. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд. изм. и доп. / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: ИГ «Прогресс» – Культура, 1992. 415 с.
18. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека. Автореф. дис. д-ра психол. наук. Барнаул, БГПУ, 2005.
19. Поннер К. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.
20. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 3–17.
21. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 73–85.
22. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
23. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml
24. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс – Традиция, 2000.
25. Стругацкий А., Стругацкий Б. Сталкер. (Литературная запись кинофильма, режиссер – Андрей Тарковский) // <http://rusf.ru/abs/>
26. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 2. М.: 1966.
27. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
28. Ярошевский М.Г. К истории форм психологического познания // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 137–145.